DOI 10.15826/izv2.2017.19.1.020
УДК 808.51 + 81:070 + 81'37

Ян Цин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

О ФУНКЦИЯХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (анафора и синтаксический параллелизм)

На материале современных газетных текстов в статье рассматриваются функции двух стилистических фигур. Исследуется проблема зависимости функций анафоры и синтаксического параллелизма от их структуры и лексико-стилистического состава. Содержание синтаксической схемы каждой фигуры проводится в опоре на теорию лексического значения и состава коннотации экспрессивного слова.

Автором выявлены системно-семантические отношения между структурными компонентами анализируемых фигур, осмыслена зависимость функции стилистической фигуры от лексико-стилистического состава ее речевой реализации. Делается вывод о реализации логической или экспрессивной функций стилистических фигур в газетном тексте в зависимости от типичных логико-лингвистических соотношений составляющих фигуру речевых компонентов. Логический потенциал анафоры и синтаксического параллелизма обусловлен смысловой связью повторяющихся единиц, образующих целостную синтаксическую конструкцию. Экспрессивный эффект создается повторяющимся элементом и повтором в целом. Отмечается распространенность совмещения названных функций при доминировании одной из них.

Фиксируется тенденция совместного использования анафоры и синтаксического параллелизма, нередко в сочетании с другими стилистическими фигурами. Таким образом, уточняется техника применения фигур речи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публицистический стиль; экспрессивность; стилистическая фигура; анафора; синтаксический параллелизм; функция языкового явления.

Публицистический стиль характеризуется максимальной речевой открытостью: для него органична стилистическая всеядность, «сплав высокого и сниженного, старого и нового, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового, устного и письменного общения» [Кормилицына, с. 24]. Проявление данных свойств является результатом постоянного поиска все новых и новых средств выразительности. В соответствии со своим коммуникативным намерением автор текста отбирает языковые единицы, обладающие необходимым предметно-логическим и коннотативным значением, и организует высказывания таким образом, чтобы установить между ними необходимые прагматические связи. В результате создается эффект направленного воздействия на адресата.

Стилистическая фигура формируется как прагматически мотивированное модельное отклонение от нормы [Копнина, с. 87–183]. Фигуры — «синтаксически

образуемые средства выразительности» [Скребнев, с. 368] — создаются автором по заданным схемам, закрепленным в лингвокультурной памяти языкового сообщества, с учетом условий отклонения от нормы [Сковородников, 2005, с. 170].

Реализация фигур речи нацелена на создание экспрессивности высказывания. Однако их структурированность, упорядоченная взаимосвязь компонентов способствуют также проявлению собственно логических отношений речевых единиц. Высказывание в рамках фигуры воспринимается как целостное логическое образование в составе текста. Таким образом, стилистические фигуры служат как экспрессивным, так и логико-информативным задачам автора текста, подчиненным, естественно, коммуникативным намерениям публициста [Василькова, с. 55].

В современном медиатексте активно используются различные фигуры речи: полисиндетон, геминация, синтаксический параллелизм, анафора (фигуры прибавления), эллипсис, асиндетон (фигуры убавления), хиазм, анадиплозис, парцелляция (фигуры размещения) и др. В данной статье рассматриваются наиболее распространенные из них: анафора и синтаксический параллелизм. Материалом наблюдений послужили тексты центральных газет «Аргументы и факты» (АиФ), «Российская газета» (РГ), «Комсомольская правда» (КП), «Литературная газета» (ЛГ), «Новая газета» (НГ), а также областной газеты «Уральский рабочий» (УР). Цель анализа состоит в выявлении факторов, определяющих реализацию экспрессивной либо логической функции отобранных фигур в публицистическом тексте или соотношении этих функций в случае их комплексного проявления.

А н а ф о р а (единоначатие) заключается в повторении начальной части тех или иных речевых единиц [Ахманова, с. 47]. Для публицистического текста характерна лексическая анафора, основанная на повторении слова или группы слов, а также синтаксическая, образуемая повторением синтаксической позиции, заполненной однотипными морфологическими средствами [Хазагеров, Ширина, с. 200].

Анафора теснейшим образом связана с синтаксическим параллелизмом, нередко составляя его часть. Под термином **с и н т а к с и ч е с к и й п а р а л л е л и з м** понимается фигура повтора, состоящая в построении речевой единицы, при котором «вторая часть зеркально отражает первую» [Москвин, с. 220].

Ненормативность данных фигур на фоне нефигуральной речи связана с реализацией нетипичного, необычного расположения речевых единиц, а именно с созданием упорядоченного положения повторяющихся элементов, которые образуют за счет этого логико-семантическую связь. Логический потенциал анафоры и синтаксического параллелизма заключается в установлении смысловой связи повторяющихся единиц, образующих целостную синтаксическую конструкцию. Выразительный потенциал этих фигур обусловлен приемом повтора: повторяющийся элемент и повтор в целом создают экспрессивный эффект.

Функция фигуры повтора зависит от дистанции между его компонентами. Контактное расположение компонентов способствует реализации экспрессивной

функции, особенно если структура поддерживается лексико-семантически: «*Мы должны брать на себя ответственность. Мы должны поддерживать те правила игры, которые установлены*» (УР, 23.01.2016). Лексический повтор грамматической основы первого предложения усилен за счет модальной семантики сказуемого, позитивной оценочности слов *ответственность* и *поддерживать*, а также синтаксического параллелизма, продляющего действие лексической анафоры. Контактный синтаксический параллелизм грамматических основ имеет высокую степень экспрессивности [Сковородников, 1981, с. 110]: «Что хотим, то и поем, как хотим, так и скачем!» (КП, 03.10.2015).

Эффект выразительности подчеркивается за счет семантического сходства или, напротив, несходства синтаксически одинаковых построений. Наиболее значимо для создания эффекта экспрессивного воздействия использование эмоционально-оценочных средств: «Я debil? Аваков сам debil!» (КП, 03.10.2014). Здесь полный параллелизм предикативных основ соседних предложений, безусловно, подчеркнут в плане воздействия за счет бранного слова *debil* ‘психически недоразвитый человек’ [ТСРЯ, с. 145], выражающего сильную отрицательную оценку. Впечатление усиливается имитацией диалога. Подобным образом действует любое слово с эмоционально-оценочной семой, даже потенциальной.

К экспрессивному эффекту приводит и анафорическое применение местоимения первого лица: «Я живу здесь, и это моя земля. Я люблю ее и никогда не предаю. Это мой дом» (КП, 18.09.2014). В лексико-грамматической анафоре «я + глагол 1-го лица» в составе синтаксически параллельной структуры повтор личного местоимения подчеркивает авторское чувство. Слово *здесь*, а также эпитифора *моя земля, мой дом* с собственной анафорой притяжательного местоимения *мой* указывают на родное для говорящего место, так что этот повтор отличается насыщенностью.

Синтаксический параллелизм может работать на создание семантического единства высказывания с помощью оценочной лексической семантики: «*Это убивает семью, разрушает доверие, портит кровь* и всё такое» (КП, 03.10.2014). Здесь неполный синтаксический параллелизм, а именно грамматический повтор сказуемых с дополнениями, опирается на отрицательно-оценочные глаголы *убивать, разрушать, портить*, которые указывают на действие, связанное с уничтожающим результатом.

Дистантное положение компонентов повтора тяготеет к реализации логической функции:

Весной Полесье становится Амазонией. Припять сливается со своими притоками и старыми руслами, окрестные болота наполняются водой и превращаются в единую голубую гладь <...>

Летом и осенью эти места как магнит тянут любителей грибов и ягод. А еще сюда стремятся экстремалы-сталкеры... (КП, 10–16.06.2016).

Логическая функция анафоры более всего связана с отношением содержательного дополнения, в результате чего отдельные информационные единицы текста объединяются в целостный смысловой блок. Так группируются отдельные факты и создается мозаичное представление определенной реальной ситуации: «*Кто* на работу торопился, *кто* мусор выносил, *кто* соседей проведать решил...» (КП, 03.10.2014); «*Кто* коврик, *кто* козу, *кто* банку меда, *кто* корзину на продажу принесет» (АиФ, 17.06.2015).

Тем же способом может передаваться хронологическая последовательность явлений, для выражения которой используется анафорически упорядоченная датировка этапов излагаемого события. Актуален также повтор наречия *потом* с контекстным смыслом «спустя некоторое время после предыдущего события»:

Потом поехал в Слещовск, там в больнице один из родственников лежал. По дороге мне позвонили, чтобы быстро вернулся. Приехал, а здесь уже народ, говорят: «Их обстреляли, туда не пускают, ничего не знаем». *Потом* слух прошел, что их обоих убили, а других забрали (НГ, 16.06.2016).

Собственно логическую структуру образуют фрагменты текста, анафорически соединенные вводными словами счетного значения:

Короче, подводя итог. *Во-первых*, Украина расколота. Это совершенно точно, без всякой российской пропаганды. <...>

Во-вторых, по своей жесткости и отморозженности украинский режим запросто даст кому угодно фору. По лживости пропаганды, по нетерпимости, по репрессиям. По националистическому популизму. <...>

И, третье, самое страшное, что массовое движение не противостоит насилию, произволу, национализму, а усиливает их все... (КП, 03.10.2014).

Вводные слова счетной семантики прочно удерживают перечень авторских аргументов. Проявляет себя и синтаксический параллелизм — воспроизводится грамматическая основа предложений, следующих за вводными словами: «Украина расколота»; «украинский режим... даст фору»; «массовое движение не противостоит...». Фрагменты, вводимые на счетной основе, достаточно велики и различны по содержанию, но благодаря сочетанию анафоры и синтаксического параллелизма логическое структурирование и общая целостность в рамках итоговой части текста предельно ясны.

Любые стилистические усложнения, наблюдаемые в рамках анафоры или конструкции синтаксического параллелизма, усиливают экспрессивность фигуры в целом:

Здесь нет игр Неба с Землей, как на Алтае. Не слышен грозный шепот Неба, как на Севере. *Здесь* один властелин и демиург — Небо, живущее по своим законам. Небо растягивает и сжимает пространство маленькой деревни. Оно же задает и Время (НГ, 16.06.2016).

В составе данного текстового фрагмента используется оценочная лексика (*властелин, демиург*), олицетворения (*игры Неба с Землей, шепот Неба* и др.), эпитет (*грозный*), антитезы (*Небо и Земля, растягивает и сжимает*). За счет этого нейтральный анафорический элемент *здесь* также приобретает свойство выразительности — означает «в совершенно особом пространстве».

Контаминация стилистических фигур значительно усиливает экспрессивность. Особенно значима в этом плане *антитеза*. В составе анафорической конструкции она всегда выводит функцию анафоры за пределы логической, поскольку с помощью противопоставления более рельефно и обостренно представляются любые факты. Собственно анафора подчеркивает единство объекта рассмотрения, антитеза же обеспечивает внутренний динамизм и энергию этого единства.

Увеличение количества анафорических отрезков также связано с возрастанием экспрессивности. При этом контактная и дистантная анафора уравниваются:

А вот в Киеве, *там* да. *Там* патриотический консенсус. *Там* каждый третий гоняет в вышиванке или в майке «Смерть врагам». На каждой стене «Украина понад усе», и даже пьяные, которые ссорятся из-за такси, кричат «Слава Украине». *Там* точно все с национальным сознанием в порядке. А заодно работают все кабаки, дискотеки, клубы. *Там* ужас ощущается меньше (КП, 03.10.2014).

Анафоре предшествует здесь однозначное указание на место действия: *в Киеве*. Данный прием логического присоединения обладает богатыми возможностями создания характеристики явления. Первое предложение в составе анафорического фрагмента создает общее впечатление (*там да*), потом состояние объекта дифференцируется. Каждый компонент анафоры тесно связан с логическим вводом, а за счет многократного повторения анафорического местоимения и синтаксического параллелизма автор добивается эффекта усиленного воздействия, что в конце концов и помогает обнаружить авторскую иронию. При этом оценочное содержание фрагмента (отрицательное отношение к сложившейся ситуации) прикрыто фактографичностью. Подтверждается мнение Н. И. Клушиной о типичности для современного медиадискурса именно скрытой оценки, которая способна «ненавязчиво навязать» адресату мнение автора [Клушина, с. 147].

Усилительный эффект формирует любая фигура, включенная в состав параллельной структуры:

Кленовые деревья. Русское небо. Вечная память.

Маша и Отто — они остаются.

Мертвые — в одной могиле. Живые — в нашей памяти (АиФ, 17.06.2015).

Этот фрагмент открывается тройным контактном повтором назывного предложения, выраженного атрибутивным словосочетанием. Его последний компонент также демонстрирует полный параллелизм, усиленный двумя противопоставлениями: языковым (*мертвые / живые*) и речевым (*могила / память*).

Данный прием внедрения удвоенной антитезы относится к распространенному сочетанию стилистических фигур. При этом эффектно даже использование языковых антонимических пар: «Нас *невозможно* завоевать *снаружи* — нас *можно* завоевать только *изнутри*» (АиФ, 14–20.01.2015). Но самые яркие образцы экспрессивности связаны с авторским созданием контекстной антонимии: «*Прошла любовь... Осталась ипотека*» (КП, 4–11.03.2015). Это полный контактный параллелизм с повторением грамматической структуры простых нераспространенных предложений. При этом глагольные сказуемые *прошла* и *осталась* являются языковыми антонимами, подлежащие же этих предложений составляют контекстную пару антонимов, особенно выразительную за счет того, что ее единицы относятся к разным лексико-семантическим пластам русского языка: *любовь* (лексика чувств) — *ипотека* (экономический термин).

Органично сочетается с синтаксическим параллелизмом х и а з м — повтор двух компонентов с инверсией по схеме «ab-ba» [Москвин, с. 342]:

Может быть, именно поэтому номенклатура так упорно предлагает народу новый лозунг «*Россия — это Путин, а Путин — это Россия*». Кому же в условиях кризиса захочется разделять ответственность? Лучше найти нового «отца народов»... (АиФ, 29.04.2015)

На базе хиазма может формироваться гиперболическое усиление: «*Это наше личное дело, что хотим, то и ломаем! Все ломаем, что захотим!*» (КП, 03.10.2014).

Усиление достигается также с помощью стилистической фигуры а н а д и - п л о з и с а (стыка): «*Молоко у него было, как сливки, сливки — как сметана, а сметана — как масло*» (КП, 18.09.2014). В данном случае повтор синтаксической конструкции сочетается с использованием контактного повтора слов, что и создает стык как стилистическую фигуру. За счет создания смысловой группы *молоко — сметана — масло*, вовлеченной сразу в две фигуры речи, создается эффект нарастающего усиления и возникает третья фигура — г р а д а ц и я.

Обобщая наши наблюдения, можно сделать вывод о преобладании совместного действия экспрессивной и логической функций, а также о тенденции совместного использования стилистических фигур. Синтаксический параллелизм, будучи наиболее объемным синтаксическим явлением, органично вбирает в себя анафору, а также антитезу, хиазм, анадиплозис.

Экспрессивный эффект синтаксического параллелизма и анафоры существенно зависит от лексического наполнения синтаксической конструкции. Использование эмоционально-оценочной семантики, приемов контекстного смыслового усиления, повторение личного местоимения первого лица в однотипной синтаксической позиции обеспечивают реализацию экспрессивной функции фигуры, особенно при контактном расположении ее компонентов.

Логическая функция рассмотренных стилистических фигур заключается в организации смысловой взаимосвязи текстовых фрагментов и объединении их в более крупный композиционный компонент текста. Наиболее типичная взаимосвязь компонентов — это отношение информационного дополнения,

фактологического или собственно логического. Реализация логической функции синтаксического параллелизма характеризуется наличием ряда лексико-синтаксических моделей их использования.

Анафора и синтаксический параллелизм, как и другие фигуры, не зависят от тематики текста, это универсальное грамматическое средство может использоваться повсеместно. Однако владение техникой стилистических фигур характерно не для всех журналистов-газетчиков. Наблюдается как индивидуальное мастерство в данной области, так и равнодушие автора к фигурам речи, этой богатейшей отрасли создания речевой выразительности. В выявлении индивидуальной специфики использования стилистических фигур состоит перспектива развития темы данной статьи.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд. М. : КомКнига, 2005.

Василькова Н. Н. Особенности употребления стилистических фигур в современных средствах массовой информации // *Стилистика завтрашнего дня* : сб. ст. / под ред. Г. Я. Солганика и др. М. : МедиаМир, 2012. С. 55–63.

Клушина Н. И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке* / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический Проект, 2011. С. 144–153.

Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М. : Флинта : Наука, 2009.

Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // *Проблемы речевой коммуникации* / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Саратов. ун-т, 2015. С. 23–37.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М. : Едиториал УРСС, 2006.

Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981.

Сковородников А. П. О системных основаниях классификации риторических приемов // *Риторика — Лингвистика*. Вып. 6 : сб. ст. / отв. ред. М. П. Тихоновой. Смоленск : СПГУ, 2005. С. 163–181.

Скребнев Ю. М. Фигуры речи // *Русский язык : энциклопедия* / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энциклопедия, 1979. С. 368–370.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2013.

Хазагеров Т. Г., Ширин Л. С. Общая риторика : курс лекций; словарь риторических фигур. Ростов н/Д : Феникс, 1999.

Статья поступила в редакцию 15.07.2016

Ян Цин

аспирант кафедры риторики
и стилистики русского языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: auroraufu@mail.ru

Yang, Qing

Postgraduate Student, Chair of the Rhetoric
and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: auroraufu@mail.ru

ON THE FUNCTIONS OF STYLISTIC DEVICES IN NEWSPAPER TEXTS (Anaphora and Parallel Syntax)

The article observes the functions of two stylistic devices in modern newspapers. The author studies how the functions of anaphora and parallel syntax depend on their structures and lexical stylistic composition. The analysis of the syntactic structure of each figure is based on the theory of lexical meaning and componential structure of the connotation of stylistic devices.

The author reveals the system-semantic relationship between the structural components of the stylistic devices in question, and analyses how the functions of stylistic figures depend on the lexical stylistic content of its speech realization. The author concludes that the logical realization and function of expressive stylistic figures depend on the typical logical-linguistic relationships between the components of constructed speech in the stylistic figures. The logical capacity of anaphora and parallel syntax is caused by the semantic relationship of the repeating units, which form a coherent syntactic structure. An expressive effect is created by repeating an element or repetition in general. The article points out that the aforementioned functions may often be combined with one of them dominating.

The author argues that there is a tendency for anaphora and parallel syntax to be used together along with other stylistic devices. As a result, the analysis clarifies the application of stylistic devices.

Key words: news style; expressivity; stylistic device; anaphora; parallel syntax; functions of a linguistic phenomenon.

Akhmanova, O. S. (2005). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. (3rd Ed.). Moscow: KomKniga. (In Russian)

Khazagerov, T. G., & Shirina, L. S. (1999). *Obshchaya ritorika: Kurs lektsiy; Slovar' ritoricheskikh figur* [General Rhetoric: Lectures; A Dictionary of Rhetorical Figures]. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russian)

Klushina, N. I. (2011). *Kommunikativnaya stilistika publitsisticheskogo teksta* [Communicational Stylistics in Journalistic Texts]. In M. N. Volodina (Ed.), *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke* [The Language and Discourse of the Mass Media in the 21st Century] (pp. 144–153). Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russian)

Kopnina, G. A. (2009). *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika: opyt sistemnogo opisaniya* [Rhetorical Approaches of the Modern Russian Standard Language: Attempt at Systemic Description]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

Kormilitsyina, M. A. (2015). *Stilisticheskaya kontaminatsiya v sovremenном mediadiskurse (na materiale pechatnykh SMI)* [Stylistic Contamination in the Modern Media Discourse (with Reference to Printed Mass Media)]. In M. A. Kormilitsina (Ed.), *Problemyi rechevoy kommunikatsii* [Issues of Verbal Communication] (pp. 23–37). Saratov: Saratov University. (In Russian)

Moskvin, V. P. (2006). *Vyrazitelnyye sredstva sovremennoy russkoy rechi: tropy i figury. Obshchaya i chastnyye klassifikatsii. Terminologicheskii slovar* [Expressive Means of Modern Russian Speech: Paths and Shapes. Total and Partial Classifications. Terminological Dictionary]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2013). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language with Data on the Origins of Words]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Skovorodnikov, A. P. (1981). *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Standard Language]. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)

Skovorodnikov, A. P. (2005). O sistemnykh osnovaniyakh klassifikatsii ritoricheskikh priemov [On the Systemic Foundations of Rhetorical Approaches Classification]. In M. A. Tikhonova (Ed.), *Ritorika — Lingvistika* [Rhetoric — Linguistics] (Vol. 6, pp. 163–181). Smolensk: Smolensk State Pedagogical University. (In Russian)

Skrebnev, Yu. M. (1979). *Figury rechi* [Figures of Speech]. In F. P. Filin (Ed.), *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Encyclopaedia of the Russian Language] (pp. 368–370). Moscow: Sov. entsiklopedia. (In Russian)

Vasilkova, N. N. (2012). Osobennosti upotrebleniya stilisticheskikh figur v sovremennyih sredstvakh massovoy informatsii [The Use of Stylistic Devices in the Modern Mass Media]. In G. Ya. Solganik et al. (Eds.), *Stilistika zavtrashnego dnya: sbornik statey* [The Stylistics of Tomorrow. A Collection of Articles] (pp. 55–63). Moscow: MediaMir. (In Russian)

Received on 15 July, 2016